

**Но разведка
доложила точно...**

Рене Марсо родилась во Франции в 1913 г. в городке Даммари-де-Лисс в 40 км от Парижа. С юных лет примкнула к коммунистическому движению, в 1931 г. появилась в Москве, где прошла специальную подготовку в школе Разведуправления РККА.

Говорят, бывших разведчиков не бывает. Потому их фотографий в открытом доступе нет, как и в нашем случае. Потому довольствуемся портретами ее знаменитых коллег – Яна Берзина и Рихарда Зорге. Вообще, о ней написал целую книгу ее сын Семён Бронин, врач-психиатр, член Союза писателей Москвы. Мелькает имя Рене Марсо и в других книгах, посвященных работе ГРУ и службе Внешней разведки МГБ-КГБ.

В 1934 г. под именем Кэт радистка-шифровальщица Рене Марсо была командирована в Шанхай, в резидентуру Якова Бронина, который стал ее мужем. В 1939 г. у них родился сын, о котором мы только что упомянули.

В Токио, будучи там в командировке, встречалась с Рихардом Зорге. Следует сказать, что иные личности еще, если не более, интересны своим окружением. Рене Марсо на этот счет просто повезло.

Итак, легендарный Рихард Зорге родился в 1895 г. в Баку, в семье немецкого механика нефтяного промысла и простой русской женщины, отец которой был железнодорожным рабочим. Звездный час Зорге – это работа резидентом советской разведки в Токио. До него ни одному нашему разведчику не удавалось закрепиться в Японии. Зорге передавал важнейшие сообщения: состав нацистских сил вторжения, сроки нападения на СССР, общую схему военного плана вермахта. Однако в Кремле ему не верили. Он был арестован японской контрразведкой 17 октября 1941 г. Его держали в тюрьме, надеясь, что Кремль запросит о его помиловании. Этого не произошло, и 7 ноября 1944 г. Рихард Зорге был казнен.

В один из периодов у него никак не налаживалась связь с Владивостоком. Для проверки радиоаппаратуры к нему направили из Шанхая Рене Марсо. Они встретились на улице Токио, зашли в кафе.

Из воспоминаний С. Бронина, сына разведчицы:

« – Зови просто Рихард, – прошептал он ей на ухо, подавая стул. – Я ведь здесь снова легализовался, выступаю под настоящим именем и фамилией. Для своих только кличка – Рамзай... Ты в технике разбираешься?..»

– Разбираюсь немного.
– Золото, а не работник. Да еще такая красивая... Осторожней только, – предупредил он. – Тут пленгаторы...

...Радист ждал их у себя... Рене взялась за рацию и нашла ее исправной... Она переглянулась с Зорге, оба посмотрели на радиста: тот сидел белый как мел и руки его тряслись...

– Что ж ты так? – спросил Зорге радиста.

Тот залепетал в ответ что-то невнятное про пленгаторы и ушел – почти выбежал из комнаты из-за неодолимого стыда и чувства собственного бессилия.

– Что с ним будет? – спросила Рене.

– Да что с ним будет? – с досадой повторил он. – Отправляю назад с нервным срывом и с рекомендацией не посылать больше. Не губить же ему жизнь за то, что сдрейфил. Эх, Рене, Рене! Почему я тогда не взял тебя с собой?»

Перед отъездом они посидели с полчасика в кондитерской, много шутили, смеялись.

Рене тяжело заболела, так как работала с ядовитой ртутной амальгамой, которая шла на изготовление поддельных печатей. На время была отстранена от работы. Неприятности начались

у мужа-резидента. Ей однажды сказали, что он арестован, выдал его китаец, работавший на него и перешедший на другую сторону. Осужденный китайской контрразведкой на 15 лет тюрьмы, а дело шло к расстрелу, Бронин через два года был обменен советскими властями на старшего сына Чан Кайши.

Завершая короткий рассказ о Рихарде Зорге, следует добавить, что через много десятилетий, когда о Зорге в Советском Союзе еще никто не знал, Бронин один из первых опубликовал большую статью «Я знал Зорге».

бесцеремонным до грубости и склонным к самоуправству, вел себя с ней как с дорогой и хрупкой вещью, словно боялся задеть ее или обидеть. Это был плотный, широколицый комдив с длинной холкой черных волос»...

Скоро его арестуют, в записной книжке Ежова осталась пометка о том, чтобы Урицкого подвергли избиениям. Расстрелян.

Ян Берзин

В августе 1936 г. Берзина назначают главным военным советником в испанскую республи-

на Плющихе. По тем временам это было счастьем. В дни войны Академию бронетанковых войск эвакуировали в Ташкент. Там в медицинском институте продолжила учебу Рене-Элли.

Из воспоминаний ее сына:
«И здесь был тот же голод и нехватка лекарств, но люди, в отличие от улицы, умирали уюженными и отправлялись на тот свет и на вскрытие обмытыми. Тут, в самой теплой части страны, было на редкость много отможенных и смертей от переохлаждения: люди были ослаблены, истощены, плохо одеты, а холод, даже не-

Элли Брониной. Ее отстранили от ведения больных...

После одной из публичных экзекуций она обратилась за помощью к Клементу Ворошилову, с которым была знакома. Письмо сыграло свою роль, ее перевели в нервную клинику консультантом-терапевтом. Стала готовить докторскую. Затем работала в закрытом военном госпитале летчиков, затем в поликлинике Академии наук, где курировала многих академиков с их семьями. И вновь, как пишет сын, счастливым образом попала в общение с элитой российской науки – ярки-

Далекое – близкое

Русская француженка Рене Марсо

Ее сподвижниками были легендарные Ян Берзин и Рихард Зорге. А она, сняв погоны, стала известным врачом

Тухачевский и другие

Незадолго до родов, уже в Москве, с Рене случился психоз, ее определили в специальную лечебницу. Затем отправили в санаторий для высших чинов РККА. Там отдыхали Уборевич, Тухачевский с женой, семья Мерецковых, Якир, Егоров. Обратился к воспоминаниям, авторство которых известно лишь узкому кругу людей:

«Тухачевский, высокий, красивый, веселый, общий любимец, пригласил ее в коттедж, который занимал с супругой, бывшей балериной (...) подхватил Рене, худую после родов как щепка, за талию и закрутил в вальсе по залу. Он позволял себе невинный флирт»...
«Уборевич тоже дал ей последний урок. (...)

– Я давно не большевик, Элли. Но вы большевик и им оставайтесь».

Чуть раньше командарм I ранга Уборевич спросил, «...куда она едет. Отвечать было против правил, но он настаивал. Рене в первый и последний раз нарушила запрет и сказала, что едет в Лиссабон. Он кивнул, понял направление и в ответ тоже разоткровенничался... Он стал говорить о высших руководителях страны, о том, как высоко ставит он гений Сталина, но на счет Ворошилова у него есть оговорки и так далее».

Перед поездкой в Испанию, в штаб Франко, ее вызвал Урицкий, ставший на время отъезда Берзина руководителем Разведуправления.

« – Что больше всего вас интересует? – спросила она Урицкого.

– Всё, – отвечал он. – Какая помощь оказывается Франко, сколько увидит самолетов, танков – всё одним словом...»

Была позже еще одна встреча: «...Урицкий, слывший человеком

канскую армию. В подчинении генерала Гришина (так именовался Ян Карлович) оказались будущие маршалы и генералы: Малиновский, Мерецков, Воронов, Кузнецов, Родимцев, Батов, Колпакчи и другие. По ту сторону баррикад, в штабе главного противника Франко работала маленькая и хрупкая Рене Марсо. Она встречалась с Берзиным в Москве в стратегической разведке РККА, они много беседовали, он ей, кажется, симпатизировал, и он же придумал ей окончательный псевдоним – Элли Ивановна. Но теперь она была так близко и так далеко от него – по разные стороны фронта.

Берзин сумел в ноябре 1936 г. отбить наступление франкистов и отстоять Мадрид. Большую роль сыграл Берзин в разгроме итальянского корпуса под Гвадалахарой.

Ну а в августе 1937 г. Берзин был отстранен от должности начальника Разведупра. В аппарате было арестовано более 600 человек. Одновременно шел разгром зарубежных резидентур. За два года репрессий было полностью уничтожено всё опытное руководство. 29 июля 1938 г. не стало Берзина.

А в 1940-м из Разведуправления уволили Якова Бронина. Он стал заведующим кафедрой иностранных языков в Академии бронетанковых войск. Пора раскрыть его по длинную родословную...

Ян Берзин для равноценной замены резидента в Шанхае Зорге после долгих поисков и колебаний глаз остановил на докторе Боше. Под этим псевдонимом в Германии работал на нелегальном положении Яков Григорьевич Бронин. Впрочем, это тоже не была его родная фамилия. Настоящая – Лихтенштейн. Родился в 1900 г. в Латвии. После окончания Гражданской войны получил высшее образование, стал доктором исторических наук. Не без участия Яна Берзина оказался в рядах военной разведки.

За нелегальную и крайне опасную работу в штабе Франко Элли Ивановна Бронина (это имя она будет носить до конца) – Рене Марсо впоследствии получила орден Ленина, ранее – орден Красной Звезды.

Голод и нехватка лекарств

Элли Бронина ушла из разведки в отставку и стала в 1938 г. студенткой московского медицинского института. Она с огромным желанием взялась за книги и учебники. В 1939-м семья получила трехкомнатную квартиру

большой, плохо переносили из-за высокой влажности воздуха. Были еще тифы: сыпной, брюшной и возвратный, глистные инвазии, болезни, похожие на тропические, с огромной печенью, которых она нигде больше не видела. (...) И Элли Ивановна заболела брюшным тифом... Болезнь протекала у нее особенно тяжело, истинно в тифозной, то есть беспамятной форме».

Ланга считали гением

Еще один интересный человек из окружения Рене-Элли – Георгий Фёдорович Ланг.

В 1943 г. Бронина получила в Москве диплом врача, хотела стать военным хирургом, просилась на фронт – отказали, что-то не сложилось. Но она была понастоящему счастлива, потому что стала ученицей самого Ланга, которого коллеги считали гением, чудо-врачом.

Он окончил Петербургскую военно-медицинскую академию, работал в Германии и Франции. Став ректором Ленинградского медицинского института, создал крупную школу терапевтов, разработал общепринятую классификацию и номенклатуру заболеваний сердечно-сосудистой системы, автор многих монографий и учебников. Пережил с женой блокаду, питался только по скудным карточкам. Когда Ланг вновь оказался в Ленинграде, началась компания борьбы с космополитизмом. Увольнялись и медики с фамилиями, звучащими не по-русски. Ланг к тому времени был уже академиком АМН СССР. Сам он не пострадал, в 1948 г. скончался в возрасте 72 лет. Пострадало его окружение из евреев. Коснулось это и клинического ординатора

ми, светлыми и неповторимыми умами.

Но тут ее само подвело здоровье – начались провалы в памяти, видимо, сказались нервные перенапряжения, сопровождавшие ее всю жизнь. Ее лечили инсулиновыми шоками. Подлечившись, она работала участковым врачом в поликлинике на Дорогомиловской улице. Денег не хватало, и тогда, забросив медицину, Рене занялась переводами. Избранные труды И.П.Павлова в ее переводе получили за рубежом самые лестные отзывы.

А в сентябре 1955 г. семья встречала на Казанском вокзале Якова Бронина, который отсидел немало лет уже в советских лагерях. Он взялся за писательство, хотя не имел к этому нужного дара. В семье становилось не всё ладно...

В апреле 1984 г. сгорела их дача в Жаворонках Московской области. Возможно, был поджог. Якова парализовало, отнялась речь, он впал в тяжелейшее состояние. Вскоре умер. Его похоронили со всеми военными почестями на Кунцевском кладбище.

Несколькими годами позже в жизни Элли произошло важное событие, она побывала в оставленной ею Франции.

Из воспоминаний сына Семёна: «Рене вошла в знакомый дом. (Это был 1989 г.), огляделась – и тут силы оставили ее, она опустилась на стул и не смогла произнести ни слова... она не могла ни есть, ни пить, ни разговаривать»...

В январе 1999 г. Рене у себя дома упала, сломала шейку бедра и оказалась, как и супруг Яков, в отделении своего сына-врача Семёна. Она не хотела жить. Скончалась 5 декабря того же года. Похоронена на том же кладбище, в присутствии тех же представителей Управления государственной безопасности, только без оркестра, на который она по своему воинскому званию не имела права.

* * *

Эта супружеская пара прожила непростую и драматическую жизнь. Оба они любили свои исторические корни – Латвию и Францию, хотя служили верой и правдой Советскому Союзу. Никого не предали, не подставили, обходились в быту малым. И унесли с собой немало государственных тайн. Честь им и слава, и трехкратный залп!

Владимир ХРИСТОФОРОВ,
спец. корр. «МГ».

НА СНИМКАХ: Ян Берзин, Рихард Зорге.